

УДК 821.161.2-3.09Короленко

О. П. Орлов

ОБРАЗ УЧЕНОГО В ПРОИЗВЕДЕНИЯХ В. Г. КОРОЛЕНКО

В статье прослеживаются литературные традиции в изображении ученых в произведениях писателей XIX в. и определяются тенденции, наметившиеся в произведениях В. Г. Короленко. Типы ученых, созданные в рассказе «С двух сторон» и отчасти в романе «История моего современника», позволили проследить пути создания характеров рассказчика-студента и ученого Изборского (портрет, ораторское искусство, моральные принципы), а также определить концептуальные отличия писателя в изображении ученого-подвижника (наличие исторического контекста, нравственное влияние на учеников).

Ключевые слова: В. Г. Короленко, А. П. Чехов, гениальность, образ ученого, рассказчик.

DOI 10.34079/2226-3055-2020-13-23-84-90

Художественное воплощение человека науки имеет богатую историю в мировой литературе. Осмыслить и воссоздать характер человека, отмеченного печатью гениальности в первую очередь пытались философы. По И. Канту, «гений есть врожденная способность души, через которую природа дает человеку правила». Внутренний ритм гения совпадает с ритмом природы, отсюда его дар, его резонирующая способность. Дискуссию о природе гения продолжили два великих немецких философа идеалистической линии в философии – А. Шопенгауэр и Ф. Ницше. А. Шопенгауэр акцентирует такое качество гения, как самоотречение: это особое свойство гения теряться в созерцании. У Ф. Ницше гений есть синтез дионисийского и аполлонического, существо, которое аккумулирует в себе энергию, накопленную поколениями. Таким образом философы мифологизировали фигуру гения, а литература последовательно реализовала эту модель.

В западноевропейской литературе XIX века сложилось несколько тенденций в изображении гениальных ученых. Во-первых, это полубезумных создатели, которые стремятся завладеть миром (ницшеанская модель) (М. Шелли «Франкенштейн, или Современный Прометей»), Г. Уэллс «Человек-невидимка», «Остров доктора Моро», А. Конан Дойль «Приключения Шерлока Холмса» и др.). В произведениях Ж. Верна наметилась другая тенденция (шопенгауэровская модель): его герои – ученые-созерцатели, несмотря на всю их преданность науке – «чудаки, сторонники одной фанатичной идеи, бессознательно творящие добро и зло, что приводит как к удивительным открытиям, так и к глобальной катастрофе» (Гусейнов, 2013, с. 53). Это знаменитые Паганель из романа «Дети капитана Гранта» и Бенедикт из «Пятнадцатилетнего капитана».

Более сложные типы героев-ученых, интеллектуалов, оторванных от реальной жизни, «кабинетных ученых» появились в романах А. Франса (филолог Бержере из романа «Новейшая история»), М. Ю. Лермонтова (доктор Вернер из «Героя нашего времени»), И. С. Тургенева (Базаров из романа «Отцы и дети»). Все они являются интеллектуальными центрами в системе образов, создают философский подтекст романов.

Целью данной статьи является определение основных тенденций в изображении людей науки в творчестве В. Г. Короленко, поскольку именно он вместе с Л. Н. Толстым и А. П. Чеховым формировал идейные ориентиры русской литературы второй половины XIX века, которые впоследствии имели большое влияние на мировую литературу. Используя исследования украинских и зарубежных литературоведов – Н. П. Гуры, О. К. Бойко (Гура, Бойко, 2014), Р. А. Гусейнова (Гусейнов, 2013), О. И. Сосновской (Сосновская, 2015), Н. В. Гончаренко (Гончаренко, 1991), Е. Неклюдовой (Неклюдова, 1999) и др. – мы продолжили анализ темы героя-ученого как гениального мыслителя и талантливого учителя, наставника, способного сформировать не только научное мировоззрение, но и повлиять на моральные принципы, способ жизни целого поколения.

Герои А. П. Чехова меняют распространенные тенденции века, поскольку созданные им образы ученых, отмеченные печатью гениальности, являются не второстепенными персонажами, а главными действующими лицами. Чеховские герои стремятся воплотить в жизнь идеал жертвенного служения науке, они верят в прогресс и знания, но сталкиваются с непреодолимыми обстоятельствами, бытом, отсталостью общества, следствием чего становится их разочарованность в профессии и жизни, ощущение ее бессмысленности, одиночества, безысходности. Герой повести «Скучная история» – ученый Николай Степанович, от имени которого ведется повествование, осознает, что стоит на пороге смерти. Как врач он поставил себе диагноз, но как человек науки – не может отказаться от главного дела жизни. Анализируя свою жизнь, ученый проводит резкую черту между своим блестящим именем в науке («оно счастливо») и беспомощностью в жизни личной. Единственная его отрада в жизни – это общение, но не с коллегами, не с родными, а со студенческой аудиторией. Моменты, в которых ученый оценивает себя как лектора, – одни из самых блестящих в мировой литературе, посвященных учителям: «Я знаю, о чем буду читать, но не знаю, как буду читать, с чего начну и чем кончу. В голове нет ни одной готовой фразы. Но стоит мне только оглядеть аудиторию и произнести стереотипное «в прошлой лекции мы остановились на...», как фразы длинной вереницей вылетают из моей души... В одно и то же время приходится изображать из себя и ученого, и педагога, и оратора, и плохо дело, если оратор победит в вас педагога и ученого, или наоборот... Только на лекции я мог весь отдаваться страсти и понимал, что вдохновение не выдумка поэтов, а существует на самом деле» (Чехов, 1977, с. 261).

Рассказ В. Г. Короленко «С двух сторон» и роман «История моего современника» продолжают чеховские традиции в художественном изображении людей науки. В рассказе «С двух сторон» отражены студенческие годы писателя, когда он учился в Петровской сельскохозяйственной академии и слушал лекции выдающихся ученых. Повествование в произведении ведется от лица непосредственного участника событий – студента, склад ума которого выдает будущего ученого. Позволим себе заметить, что в образе студента-рассказчика есть много автобиографического, и если бы не активная революционная деятельность писателя в студенческие годы, из него впоследствии вышел бы выдающийся ученый естественных наук.

По аналогии со «Скучной историей» А. П. Чехова моментом истинности профессоров становятся мастерство чтения лекций. Читатель рассказа В. Г. Короленко глазами студента оценивает сначала выступление преподавателя чеха Белички, которого молодежь, ориентированная на народнические идеи, воспринимает как либерала и приспособленца. Однако высокое мастерство ученого, преломляет общее строение и увлекает молодые умы и сердца: *«Очевидно, меж двух увлечений – научной мыслью и пылким негодованием – настроение молодежи влилось в первое русло; чех овладевал*

не только вниманием, но и сердцами аудитории» (Короленко, 1954, с. 321). И только главный герой произведения не попадает под влияние лекции Белички, он уходит из аудитории за несколько минут до бурных оваций в честь преподавателя. Этот поступок характерен для самого Владимира Короленко, в нем – его бескомпромиссность, его неприятие каких бы то ни было уступок бесчестию и паразитизму. Кстати, лекция Белички была посвящена животным-паразитам. Для рассказчика кощунственно звучат выводы, которые делает лектор: *«Существование, которое, с точки зрения животной экономики, должно быть признано идеальным. Ибо получать от природы возможно более при возможно меньшей затрате энергии, – не в этом ли состоит основной принцип приспособления... А приспособление, господа, – закон жизни...»* (Короленко, 1954, с. 322). Такой закон жизни для Потапова, лирического героя молодого Короленко, противоречит самым главным основам его мировоззрения. Миссионерство, праведничество писателя противилось в первую очередь умению приспособливаться и жить за счет других. Ученый, причастный к доносам, – не мог покорить сердце студента Потапова и всей душой отторгался писателем Короленко.

Другое художественное видение человека науки представлено в произведении в другом герое, который воплотил идеальный тип русского ученого. Одним из аспектов генезиса художественного образа ученого является углубление его профессиональной составляющей. По сравнению с предыдущей литературной традицией В. Г. Короленко углубляет сочетание профессионализма с наставничеством, которое ассоциируется с мудростью, способностью научить, направить, стать образцом для подражания. В лице профессора ботаники Изборского В. Короленко воссоздал личность Климента Аркадьевича Тимирязева, который был тогда профессором академии. Тимирязев, очевидно, в этом образе узнал себя и, даря Короленко свою книгу «Жизнь растений», сделал на ней надпись: *«Дорогому, многоуважаемому Короленко от сердечно благодарного «Изборского».*

В «Истории моего современника» представлен взгляд из другого времени на ученого Тимирязева, у которого студент Владимир Короленко был помощником в подготовке к опытам. Слова из книги стали известными, они цитируются во всех биографическо-мемориальных публикациях про ученого. Писатель пишет про особенные «симпатические нити», которые образовались между преподавателем и студентами. Юные правдоискатели, в большинстве своем сочувствующие или принявшие идеи народничества, видели в Изборском близкого по духу человека: *«В его нервной речи слышалась истинная, горячая вера. Она относилась к науке и культуре, которую он отстаивал от охватившей нас волны “опростительства”, и в этой вере было много возвышенной искренности. Молодёжь это ценила»* (Короленко, 1954, с. 196).

Портрет профессора в рассказе безупречен, в нем все, по-чеховски, прекрасно: худощавая фигура, тонкое и выразительное лицо, лучистые глаза «с подвижным, перебегающим блеском». Сюжет рассказа осложнен личной драмой героя, где имеются романтические и даже детективные сюжетные повороты. К моменту восприятия лекций в академии он оказывается сломленным чредою событий, главным из которых была смерть лучшего студента, перспективного молодого ученого – Урманова. Состояние рассказчика отражено в названии произведения, раздвоение сознания, наступившее после встречи с превращением блестящего ума и таланта в бесформенную массу, порождает кризис материалистических взглядов студента. Изречение Фохта «Мысль есть выделение мозга, как желчь есть выделение печени», висевшее у изголовья кровати Потапова, поначалу казалось ему «самоочевидным и окончательным». Жизненные испытания поколебали веру в столь прямолинейную формулу, жизнь открылась бездной

нелогичного и абсурдного, объяснить которое с точки зрения теории эволюции видов и физических законов оказалось невозможным. И если безнравственность профессора Белички вызывала открытое неприятие, то Изборский открывает в его глазах иные перспективы науки – этические.

Нравственное взросление героя, изменение его мировоззрения показаны автором «с двух сторон»: посредством современной жизни героя и ретроспективных событий. «Жизнь, в ее основной формуле, потеряла всякий интерес» (Короленко, 1953, с. 371), она кажется Потапову «декорацией», «бутафорией». Воспоминания об «аромате юности» и знаменательных встречах, приходящие на память в трудные минуты, заставляют его мысль «лихорадочно работать», помогая справиться с одолевающими его сомнениями, наставить на правильный путь. Перед героем-рассказчиком «в тяжелые минуты вставали глаза Изборского, глубокие, умные и детски наивные... Глаза мудреца и ребенка» (Короленко, 1953, с. 359). Слова «мудрец» и «ребенок» в художественном контексте рассказа закономерны, поскольку связь чистоты, наивности, любопытства с мудростью рождает сложный образ мудрого старца, обладающего детской наивностью. Короленко вводит в литературный контекст роман Тургенева «Отцы и дети». Герой-рассказчик вспоминает знаменитую фразу Базарова об анатомии глаза, где напрочь отсутствует загадочность, и вступает с ним в полемику, хотя базаровская фраза сродни лозунгу Фохта, в котором также нет места чувствам. Потапов говорит о важности именно этого «лучащегося взгляда», удерживающего его от разочарования в жизни, помогающего справиться с чувством безысходности: «Но глаза все продолжали смотреть на меня из света в темноту, волнуя и напоминая о чем-то» (Короленко, 1953, с. 367). Таким образом, сознание героя начинает наполняться сомнениями в правильности чистого материализма, где все сложности объясняются физиологией.

Центральным моментом в понимании образа Изборского является его лекция. Это эпизод зеркален предыдущей лекции, которую слушает и описывает Потапов, и интертекстуально связан с лекцией чеховского героя «Скучной истории». «Всегда спокойный, скупой на слова, – этот человек преобразился. Его близорукие глаза блестели, всегда ровный голос дрожал, приобрел силу и звучность и впивался в душу» (Короленко, 1953, с. 357). Изборский с внешней стороны не был хорошим лектором. Порой он заикался, подыскивал слова. Но даже в эти минуты внимание аудитории не ослабевало. Когда же профессор Изборский касался предметов, ему особенно интересных, его речь становилась красивой и плавной. Он находил обороты и образы, которые двумя-тремя чертами связывали специальный предмет с областью широких общих идей. Таким образом, момент изменения речи персонажа еще более выделяется, усиливая смысловое наполнение эпизода лекции – воодушевленность речи профессора, его искреннюю увлеченность произносимым и «заражающий энтузиазм» «вдруг задрожала от бурных рукоплесканий» и «восторженно приветствовала» лектора.

Обобщения Изборского были также материалистичными, но касались сложнейших процессов преобразования в растении под воздействием солнечного света. Открытие процесса фотогенеза, принадлежащее Тимирязеву, открывало новые горизонты науки, поднимало человека до космического уровня, поэтому и студентов поднимал, ведя за собою и отрывая из от утилитарного понимания жизни и науки. Изборский открывал будущие перспективы многообразия форм жизни, используя при этом совершенно простые и вместе с тем глубокие примеры. Он рассказывал про листья растений, в которых совершается великая работа: «Роль листа не украшение, не простая эстетика растения. В нем начало всей экономики живой природы... Он работает в великой мастерской, где энергия солнечного луча как бы перековывается в первичную

энергию жизни» (Короленко, 1953, с. 358). Далее профессор цитировал басню Ивана Крылова «Листья и корни», в которой противопоставлялись две актуальные в то время аллегории: праздные листья и трудящиеся корни. Для студентов, слушающих Изборского, это было очевидным, однако ученый, используя собственное научное открытие века, поворачивал мораль басни по-своему: «*Да, люди науки могут без оговорки принять это ироническое сравнение. Если они листва народа, то мы видим, какова действительная роль этой листвы. Общественные формы эволюционируют... Но, – каковы бы ни были эти новые формы – знание, наука, искусство, основные задачи интеллигенции останутся всегда важнейшим из жизненных процессов отдельного человека и всей нации»* (Короленко, 1953, с. 359).

Таким образом, образ ученого, художественно представленный в произведениях В. Короленко, продолжил традиции литературы XIX века и предвосхитил романских героев литературы XX века. Новое видение человека науки, подготовило литературное пространство для образов ученых в произведениях М. Булгакова, Б. Брехта, Т. Манна, Д. Брауна и других авторов литературы XX ст., в которых еще больше усложнились аспекты взаимоотношений науки с религией и искусством. Как определяют литературоведы, новые тенденции основываются «на триаде: религия – наука – искусство. Писатели, как правило, разводят религию и науку по разным сторонам, а искусство выступает своеобразным посредником» (Гура, Бойко, 2014, с. 25). Для писателей XIX проблема взаимоотношения религии и науки не стояла столь остро, напротив, интерес к естественным наукам давал ясные атеистические ответы, но в произведениях В. Г. Короленко вопросы научного знания на фоне трагических личностных восприятий способствовали появлению образа ученого, способного примирить науку с чувствами, духовными поисками не только научной истины. Вопросы взаимоотношения веры, искусства и науки требуют дальнейшего научного рассмотрения как в творчестве В. Г. Короленко, так и в произведениях его современников. В дальнейших исследованиях научно ценным будет определение в современной литературе степени наследования и отталкивания от художественных и нравственных поисков литературы XIX века в изображении людей, создающих науку.

Библиографический список

- Гончаренко, Н. В., 1991. *Гений в искусстве и науке*. Москва : Искусство
- Гура, Н. П. и Бойко, О. К., 2014. Жанрова своєрідність циклу романів про професора Ленгдона Дена Брауна. *Вісник Маріупольського державного університету. Серія : Філологія*, 10, с. 21–27.
- Гусейнов, Р. А., 2013. Образ ученого в фантастике Жюль Верна и Александра Беляева. *Филологические науки. Вопросы теории и практики*, 9–1, с. 51–56.
- Короленко, В. Г., 1953. *Собрание сочинений*. В 10 т. Т. 4. Москва : Художественная литература.
- Короленко, В. Г., 1954. *Собрание сочинений*. В 10 т. Т. 6. Москва : Художественная литература.
- Неклюдова, Е., 1999. Образ доктора в русской литературе XIX века. *Русская филология*, Тарту, 10, С. 63–69.
- Сосновская, О. И., 2015. И. С. Шмелев и В. Г. Короленко : образ ученого в литературе рубежа XIX–XX вв. *Проблемы исторической поэтики*, 13, с. 436–449. DOI : 10.15393/j9.art.2015.2942
- Чехов, А. П., 1977. *Полное собрание сочинений и писем*. В 30 т. Т. 7. Москва : Наука.

References

- Chekhov, A. P., 1977. *Polnoe sobranie sochineniy i pisem [Complete Works and Letters]*. In 30 vol. Vol. 7. Moscow : Nauka. (in Russian).
- Goncharenko, N. V., 1991. *Geniy v iskusstve i nauke [A genius in art and science]*. Moscow : Iskusstvo. (in Russian).
- Guseinov, R., 2013. *Obraz uchenogo v fantastike Zhyulya Verna i Aleksandra Belyaeva. Philology. Theory and practice*, 9–1, pp. 51–56. (in Russian).
- Gura, N. P. and Boiko, O. K., 2014. *Zhanrova svoieridnist tsykladu romaniv pro profesora Lengdona Dena Braunai [Genre peculiarity of D. Brown's novel cycle about professor Langdon]*. *Visnik Mariupol's'kogo derzhavnogo universitetu. Seria : Filologiya*, 10, pp. 21–27. (in Ukrainian).
- Korolenko, V. G., 1953. *Sobranie sochineniy [Collected Works]*. In 10 vol. Vol. 4. Moscow : Khudozhestvennaya literatura. (in Russian).
- Korolenko, V. G., 1954. *Sobranie sochineniy [Collected Works]*. In 10 vol. Vol. 6. Moscow : Khudozhestvennaya literatura. (in Russian).
- Neklyudova, Ye., 1999. *Obraz doktora v russkoy literature XIX veka [The image of a doctor in Russian literature of the twentieth century]*. *Russkaâ filologiya*, Tartu, 10, pp. 63–69. (in Russian).
- Sosnovskaya, O., 2015. I. S. Shmelev i V. G. Korolenko : obraz uchenogo v literature rubezha XIX–XX vv. [I. Shmelev and V. Korolenko : the image of a scientist in literature of the turn of the 19th-20th centuries]. *The Problems of Historical Poetics*, 13, pp. 436–449. (in Russian). DOI : 10.15393/j9.art.2015.2942
- Статья поступила в редакцию 10.11.2020.

O. Orlov

THE IMAGE OF THE SCIENTIST IN THE WORKS OF V. KOROLENKO

The article considers the connection of the works of V. G. Korolenko with the literary Western European tradition of depicting prominent people, labelled by the stamp of genius, who left a noticeable mark in science. The concept of genius is considered in the interpretation of philosophers I. Kant, A. Schopenhauer and F. Nietzsche, who saw it as consistent with their theories: contemplation and self-denial, will, energy of all previous generations. According to philosophical concepts, the following main trends in the literature of the nineteenth century were formed: the image of fanatical thieves from the works of M. Shelley, G. Wells, or infantile observers, as the heroes of the works of J. Verne – eccentrics detached from the real life. The realistic tradition in the depiction of images of scientists is considered on the example of the work of A. Chekhov «Boring Story». The image of a scientist created by a writer reflects the main contradiction in the life of a creative person – the discrepancy between life in science and real existence. There wasn't any difference between creative and real life for V. Korolenko. He «lived as he wrote, and wrote as he lived». The great righteous man of everyday life, a missionary of spiritual deeds, the writer Korolenko created an image of the scientist Izborsky similar to his own life principles. The narrative structure of the work enabled the author to reflect on his student's past and think about his own unrealized future. It is hypothesized that Korolenko could be new Timiryazev or Mendeleev; however he chose the way forward active citizenship and revolutionary mood. The paper examines how the writer transformed the image of the scientist, which developed in European literature, into a new type of hero, due to socio-historical conditions and the spiritual search for time. The images of scientists created in the story «On both sides» and partly in the novel «The Story of My Contemporary» are analyzed from two points of view – the narrator-student and professor-teacher. A young man, who is also in a difficult mind condition, perceives personality, oratory, moral principles

of the scientist Izborsky. The analysis of the narrator's structure helps to determine the conceptual features of the image of an ascetic scientist, among which is paid attention to the presence in the works of historical context, the strength of moral influence on students, admiration for the prospects of scientific discoveries.

Key words: V. Korolenko, A. Chekhov, genius, the image of a scientist, a narrator.

О. П. Орлов

ОБРАЗ УЧЕНОГО У ТВОРАХ В. Г. КОРОЛЕНКА

У статті простежується зв'язок творів В. Г. Короленка з літературною західноєвропейською традицією зображення видатних людей, відзначених печаткою геніальності, які залишили помітний слід у науці. Поняття геніальності розглядається за трактуванням філософів І. Канта, А. Шопенгауера та Ф. Ніцше, які вбачали в ньому відповідність своїм теоріям: споглядання і самозречення, волю, енергію усіх попередніх поколінь. Відповідно до філософських концепцій сформувалися основні тенденції в літературі ХІХ ст.: зображення фанатичних злодіїв з творів М. Шеллі, Г. Веллса, або інфантильних спостерігачів, як герої творів Ж. Верна – диваків, відірваних від реального життя. Реалістична традиція у зображенні образів-учених розглядається на прикладі твору А. П. Чехова «Нудна історія». Образ ученого, створений письменником, відбиває головну суперечність в житті творчої людини – невідповідність між життям в науці та реальним існуванням. Як багато чеховських героїв, він намагався втілити в життя ідеал жертовного служіння науці, вірив у прогрес і знання, але зіткнення з непереборними обставинами, побутом, відсталістю суспільства призводять до розчарованості в професії та житті, відчуття її безглуздості, самотності, безвиході. Для В. Г. Короленка ніколи не існувало підводних течій між творчим і реальним життям. Він «жив, як писав, і писав, як жив». Великий праведник буденного життя, місіонер духовних вчинків, письменник Короленко створив подібний до власних життєвих принципів образ вченого Ізборського. Наративна структура твору дозволила автору побувати водночас у студентському минулому й поміркувати про нереалізоване власне майбутнє. У дослідженні висловлюється гіпотеза, що, якби не активна життєва позиція і революційні настрої студентства, бути Короленко новим Тимірязєвим або Менделєєвим. У статті досліджується, як письменник трансформував образ ученого, який склався у європейській літературі, у новий тип героя, обумовлений соціально-історичними умовами й духовними пошуками часу. Образи вчених, створені в оповіданні «З двох сторін» і частково в романі «Історія мого сучасника», аналізується з двох точок зору – оповідача-студента і професора-викладача. Портрет, ораторське мистецтво, моральні принципи вченого Ізборського сприймає молода людина, яка до того ж знаходиться у складному душевному стані. Аналіз наративної структури допомагає визначити концептуальні особливості зображення вченого-подвижника, серед яких звертається увага на наявність у творах історичного контексту, сила морального впливу на учнів, захоплення перспективами наукових відкриттів.

Ключові слова: В. Г. Короленко, А. П. Чехов, геніальність, образ вченого, розповідач.